

Современные историки очертили предметную область повседневного бытия человека, указали на методологическую значимость его исследования, так как в эволюции повседневности отображается развитие цивилизации в целом. Исследования повседневности помогают выявить не только объективную сферу бытия человека, но и сферу его эмоциональной субъективности. Вырисовывается картина того, как укладом повседневности детерминированы поступки людей, влияющие на ход истории.

Литература и источники

1. Советский Юг. Ростов-на-Дону. 1924. 11 июня.
2. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1925. № 11. С. 76.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 10702. Оп. 1. Д. 2. Л. 3. Д. 4. Л. 52.
4. Там же. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.
5. Там же. Д. 64. Л. 12.

I. G. IVANTSOV. DAILY ROUTINE OF A PROVINCIAL TOWN IN 1920-1930-IES, THE CULTURAL HISTORY OF EMOTIONS IN DOCUMENTS OF THE PARTY-STATE CONTROL OF THE CPSU (B)

Article is devoted to sources of the cultural history of emotions in the context of everyday life of a provincial town, based on the documents of the party-state control of the CPSU (b).

Key words: archival documents, the CPSU (b), the sources, the history of emotions, control commissions, provincial town.

Н. Е. БЕРЛИЗОВ

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ СИРАКО-МЕОТСКОГО ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА

Статья посвящена анализу современного археологического мифа о сложении в Прикубанье в сарматское время сирако-меотского союза племен. Анализ археологических и письменных источников показывает его несостоятельность.

Ключевые слова: Кубань, сарматы, сираки, меоты.

В эпоху раннего железного века Северо-Западный Кавказ оказался точкой постоянного взаимодействия трех миров: местного (оседлого), пришлого (степного) и античного. Характер этого взаимодействия до сих пор является предметом изучения. Мы коснемся лишь одного аспекта данной проблемы, а именно, характера контактов меотских племен Прикубанья и Закубанья с сарматскими племенами в эпоху эллинизма и римского времени.

М. И. Ростовцев, опираясь лишь на присутствие в регионе элитных кочевнических погребений т. н. «Золотого кладбища» и сам факт сосуществования в регионе оседлых племен и кочевников-сарматов, предположил, что последние подчинили себе первых и эксплуатировали их [1].

Исследование бытовых памятников и грунтовых некрополей сарматского времени позволило Н. В. Анфимову выделить самостоятельную местную меотскую культуру. При этом он предполагал совместное проживание с меотами савроматов, которых отождествлял с сарматами [2]. Почти одновременно К. Ф. Смирнов, признавая существование в Прикубанье «яркой и оригинальной культуры местных племен (меотов в широком смысле этого слова)» [3], высказал предположение о возникновении в I в. до н. э. в Восточном Прикубанье центра сиракского союза племен, который включил в себя часть меотского населения [4]. Выводы К. Ф. Смирнова

о подчинении части меотов сираками и об их смешении сначала поддержал и Н. В. Анфимов [5]. В дальнейшем их разделял В. Б. Виноградов [6]. Ю. М. Десятчиков даже предложил гипотезу о сложении у сираков военно-ленной системы, как формы государственности и завоевании ими меотов и других племен Предкавказья еще в первой половине IV в. до н. э. [7]. Выводы К. Ф. Смирнова о существовании сиракского союза и слиянии сарматов и меотов с IV в. до н. э. приняли Е. П. Алексеева, А. М. Ждановский и И. И. Марченко [8]. И. И. Марченко предложил также гипотезу о межэтнической миксации сираков и меотов [9].

Вместе с тем, Н. В. Анфимов пришел к резкому разграничению меотов и сираков, считая все население Средней Кубани меотским, отрицая факт завоевания меотов сираками, и проводя границу между сираками и меотами по меридиану ст. Темижбекской [10]. Многие сарматологи отрицают присутствие сираков в регионе ранее II в. до н. э. [11]. Н. Ф. Шевченко на основе анализа памятников Восточного Приазовья высказался против гипотезы о подчинении меотов сиракам [12]. Итак, время сложения и сам факт существования сирако-меотского союза оказывается предметом дискуссии.

Вспомним еще раз доводы, на основании которых родилась гипотеза о существовании такого объединения и времени его сложения. К

ним относится проникновение в III-II вв. до н. э. элементов сарматской материальной культуры и погребальной обрядности в среду оседлых племен Прикубанья (коллективные погребения в катакомбах, широтная ориентировка погребенных, скрещивание ног и помещение рук кистями в область таза или груди, посыпка дна могил песком, помещение в погребения разбитых зеркал), охват меотских городищ и могильников к востоку от р. Лабы сарматскими памятниками типа «Золотого кладбища» и «Зубовско-Воздвиженской группы», распространение в сарматской среде элементов меотской обрядности и материальной культуры. Отмечалось также, что с I в. до н. э. меотская культура представлена только рядовыми погребениями, а сарматская - только элитными [13]. Позднее появились такие аргументы, как строительство в IV в. до н. э. укреплений вокруг меотских поселений и их скорая гибель, а также исчезновение в меотской среде традиции аристократических погребений. Предлагалось считать, что валы и рвы городищ Средней Кубани сооружались для защиты от сарматской угрозы, но сираки все равно преодолели их, сожгли городища и покончили со старой меотской знатью, заняв ее место [14].

Присутствие сираков в Прикубанье и сам факт их существования впервые фиксируется Страбоном в связи с их участием в антиримском выступлении Фарнака II в 47 г. до н. э. [15]. Ю. М. Десятчиков, чтобы подтвердить версию о появлении сираков в регионе еще в IV в. до н. э., обратил внимание на рассказ Диодора о династийной борьбе на Боспоре в 310 г. до н. э. между наследниками царя Перисада I [16]. В нем сообщается о том, что на стороне царевичей Сатира и Евмела, помимо иных союзников, воевали фракийцы, причем союзников Евмела возглавлял некий Арифарн. Иранское имя вождя фракийцев позволило Ю. М. Десятчикову вслед за К. Мюллером «исправить» фракийцев (ΘΡΑΚΩΝ) на сираков (ΣΙΡΑΚΩΝ) [17].

Анализ краниологических материалов из меотских могильников, выявивший среди них свойственную сарматам брахикранную примесь [18], послужил И. И. Марченко еще одним доказательством существования сирако-меотского союза и межэтнической миксации сираков и меотов, которое он использовал в дискуссии на VI Кубанской археологической конференции.

Рассмотрим приведенные выше аргументы сторонников гипотезы о существовании в Прикубанье сирако-меотского племенного союза в IV в. до н. э. – I в. н. э.

Элементы сарматской материальной культуры примерно со II в. до н. э. стали весьма популярны в степном поясе Евразии и на его окраинах так же, как в VII–IV вв. до н. э. была популярна «скифская триада», в силу мобильности кочевников и выработки ими оптимальной конструкции предметов вооружения и конской упряжи. При этом наличие

сарматского оружия, зеркал, элементов упряжи в позднескифской культуре, у парфян и юэчжи Средней Азии, носителей пьяноборской и городецкой культур пока никому не давало оснований для заявлений о подчинении крымской Скифии, Парфии, Бактрии или лесного Волго-Камья сарматам. Известно лишь о военном сотрудничестве сарматов и скифов в войне с Херсонесом и совместном участии скифов, сарматов и Боспора в Митридатových войнах.

Находки деталей сарматских чешуйчатых панцирей в римских легионных лагерях на Дунае в первые века нашей эры, принятие на вооружение римской кавалерии спаты, выполненной по образцу сарматских мечей, синхронных распространению в сарматской среде римской серебряной и бронзовой посуды и украшений пока никто не использовал для выдвижения гипотезы о сармато-римском союзе, в котором сарматы играли ведущую роль. До сих пор это трактовалось как следствие сарматских набегов на Дунайский лимес Рима в полном согласии с письменной традицией. При этом сам лимес в низовьях Дуная после переселения язигов в Добруджу оказался с запада и востока окружен сарматскими памятниками, но опять же, мы знаем о том, что сарматским или зависимым от сарматов он не стал.

Исследования 1970-х–2000-х годов позволили развести из единой системы могильники рядового оседлого населения и кочевой элиты. С одной стороны, в Восточном Закубанье у ст. Геймановской, Михайловской, Петропавловской, Воздвиженской, г. Новокубанска исследованы могильники рядового сарматского населения, синхронные «Золотому кладбищу» [19]. С другой – у хут. Городского, ст. Тенгинской исследованы погребения меотской элиты; к ним можно добавить давно известный комплекс Северского кургана и разрушенные элитные погребения из меотских могильников у хут. Ленина [20].

Н. Ф. Шевченко, скрупулезно проанализировавший материалы памятников Восточного Приазовья, пришел к однозначному выводу: «Анализ археологического материала с кирпичных городищ и ближайших курганных могильников показывает, что ни о какой межплеменной миксации, не говоря уже о формировании так называемой сирако-меотской культуры в такой ситуации речь идти не может. Искусственно состыкованные и существовавшие рядом племенные группировки явно сохраняли культурную и хозяйственную самобытность» [21].

Все это не позволяет считать археологическую ситуацию в Прикубанье эпохи эллинизма и раннего римского времени доказательством подчинения местных племен сарматами. Отмечу также, что некоторые элементы обрядности, якобы приобретенные меотами в результате сарматизации, таковыми *de facto* не являются. Прежде всего, имеется в виду распространение восточной ориентировки погребенных, не свойственной сарматам, но обычной для греков, появление коллективных погребений в катакомбах

и обычая перекрещивания ноги в голених, характерных для позднескифской культуры.

Нельзя однозначно трактовать в пользу существования сирако-меотского союза и миксации кочевого и оседлого населения Прикубанья и присутствие брахикранной примеси в краниологических сериях из меотских могильников. В свое время С. И. Круц констатировала присутствие той же самой брахикрании в элитных скифских погребениях из Александропольского кургана и Желтокаменки, еще ранее Г. Ф. Дебец фиксировал ее в рядовых курганах скифов Северного Причерноморья [22], однако пока никто не пытался говорить на этом основании о сармато-скифском союзе или скифо-сарматской миксации в IV в. до н. э.

Строительство укреплений и пожары на меотских городищах и прекращение традиции сооружения меотских «княжеских» курганов по времени совпадает с изменениями в титулатуре царей Боспора, которые сначала именуют себя царями синдов, затем – синдов, дандариев, псессов и досхов, а затем и «всех меотов». Вполне логично связать археологическую ситуацию в меотской культуре именно с этими событиями, то есть с подчинением меотов Боспору. Появление параллелей в меотской обрядности скифской заставляет вспомнить замечание Сократа, цитированное Ксенофонтом, о подчинении меотов скифам и текст посвящения из Неаполя Скифского о победе скифского царя Скилура над меотами [23].

Впрочем, в IV в. до н. э. в регионе действительно фиксируются савромато-сарматские памятники. Может быть, сираки все-таки подчинили меотов? Однако до сих пор при всем размахе новостроечных работ в регионе зафиксировано около 50-60 кочевнических и до двух тысяч меотских погребений IV века до н. э. Разница в порядки и не в пользу кочевников. Если считать, что потрясения в меотском мире в IV в. до н. э. действительно связаны с сарматской инвазией, мы должны признать ситуацию более чем странной. Меоты строят укрепленный рубеж против примерно сорокакратно уступающего им в численности противника, причем не на степном пограничье – где-нибудь на рубеже Еи или Челбаса, а вдоль берега Кубани, который вплоть до XIX века был покрыт дубовыми лесами, степняков, как известно, никогда не привлекавшими. Имея укрепления и превосходство в силах, меоты проигрывают войну малочисленному противнику. Этого почему-то не замечают греки, хотя в это самое время их цари подчиняли меотов, в районе нынешнего Краснодара на Елизаветинском городище находилась боспорская фактория, а греческие амфоры в III веке до н. э. попадали на Грушевское городище под Ставрополем [24]. И даже на рубеже эр Страбон писал о том, что: «Все азиатские меоты были подвластны частью владетелям торгового центра на Танаисе, частью же боспоранам. Однако иногда, то те, то другие поднимали восстание против своих властителей. Нередко правители боспоранов захватывали область вплоть до Танаиса, в особенности

же последние их владыки: Фарнак, Асандр и Полемон. Фарнак, как говорят, однажды, очистив какой-то старый канал, провел через него реку Гипанис в страну дандариев и затопил ее» [25].

Мало того, в III в. до н. э. фиксируется полное запустение степей от Днепра до Волги. На Кубани до сих пор можно выделить менее десятка сарматских памятников этого «темного» века, что не позволяет связывать сиракские памятники II-I вв. до н. э. с более ранними [26].

Последнее ставит под сомнение правомочность вмешательства в текст Диодора и замену фракийцев его текста на сираков. Кроме иранского по звучанию имени вождя союзников Евмела иных оснований для этого нет. До сих пор никого не смущал факт правления на Боспоре фракийской династии Спартокидов или присутствие фракийского отряда у второго участника усобицы – Сатира. Иранское имя Арифарна не может говорить о его этнической принадлежности, как и иранские имена Фарнаков Понтийского и Боспорского и Фарнаваза Иберийского, фракийское имя правителя меотской Лабриты Октамасада или греческое имя вождя синдов Гекатея. Наконец, из текста источника следует, что усобица происходила в Крыму. Ведь после смерти Сатира «начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей...» [27].

Итак, ни письменные, ни археологические источники не позволяют говорить о существовании на Кубани неравноправного сирако-меотского союза племен в IV в. до н. э. – I в. н. э.

Литература и источники

1. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 130.
2. Анфимов Н. В. Мэотские поселения Восточного Приазовья // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 86; Он же. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. Вып. 23. С. 206.
3. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 3.
4. Там же. С.14.
5. Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Вып. XXVIII. С. 62-71.
6. Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. №1. С.116; Он же. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н.э. – I в. н. э. // СА. 1968. №1. С. 48, 50.
7. Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 13-14.
8. Алексеева Е. П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Черкесск, 1976. С. 127, 161; Ждановский А. М. Некоторые

аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I–III вв. н. э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 49–50; Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988. С. 48–49; Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 114–115, 118–119.

9. Марченко И. И. Сираки Кубани... С. 131.

10. Анфимов Н. В. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские Чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975. С. 49–50; Он же. К вопросу о восточной границе меотских племен и центре сиракского союза в Прикубанье // IX Крупновские Чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979. С. 32.

11. Берлизов Н. Е., Каминский В. Н., Каминская И. В. Сарматские памятники Восточного Закубанья: хронология и хронография // ИАА. 1995. Вып. 1. С. 130; Берлизов Н. Е. К определению исходный районов миграции савроматов и сармат в Прикубанье в IV и II вв. до н. э. // ДК. 2002. Вып. 18. С. 24; Он же. К проблеме этнокультурной атрибуции некоторых кубанских курганов IV в. до н. э. // ДК. 2002. Вып. 18. С. 31; Шевченко Н. Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н. э. // ИАА. 2011. Вып. 10. С. 51; Он же. Племена Восточного Приазовья на рубеже эры. Ростов-на-Дону, 2013. С. 48.

12. Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья... С. 48–49, 69.

13. Смирнов К. Ф. Основные пути развития ... С. 13–14.

14. Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы в Прикубанье... С. 47–48; Марченко И. И. Сираки Кубани... С. 117–118.

15. Страбон. География в семнадцати книгах / пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. XII, V, 8.

16. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Ч. 2. СПб., 1893. XX. 22–24.

17. Десятчиков Ю. М. Арифарн – царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 46.

18. Балабанова М. А. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая Кубанская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013. С. 21.

19. Ждановский А. М., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988; Каминский В. Н., Берлизов Н. Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993; Гей А. Н., Ульянова О. А. Раскопки курганов в степном Закубанье // АО за 1982 г., М., 1984; Шевченко Н. Ф. Новые сарматские погребения с территории “Зубовско-Воздвиженской” группы // МИАСК. 2004. Вып. 4.

20. Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // ВВА. 1992; Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сохтарьек З. Н., Тов А. А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995; Беглова Е. А. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005; Смирнов К. Ф. Северский курган // Тр. ГИМ. 1953. Вып. 11; Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 2011. Фото на с. 212, 217, 223.

21. Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья... С. 69.

22. Круц С. И. Палеоантропологические материалы из кургана Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев, 1977. С. 230; Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948. С. 160–163.

23. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. П. 1.10; Зайцев Ю. В. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь, 2003. С. 52.

24. Анфимов Н. В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. С. 130; Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. Ставрополь, 1986. С. 52–53.

25. Страбон. Указ. соч. XI. 2.11.

26. Берлизов Н. Е. «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н. э. в прохоровской АК) // МИАК. 2003. Вып. 3; Он же. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Ч. I. Краснодар, 2011. С. 160, Таб. 62а-б; Берлизов Н. Е., Каминский В. Н., Каминская И. В. Сарматские памятники Восточного Закубанья ... С. 130; Шевченко Н. Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н. э. ... С. 55.

27. Диодор Сицилийский. Указ. соч. XX. 23.

N. E. BERLIZOV. ON THE EXISTENCE OF SIRACO-MEOTIAN TRIBAL ALLIANCE

This article is dedicated to the analysis of the contemporary archaeological myth of resignation of Siraco-Meotian confederacy of tribes in Kuban in Sarmatian time. Analysis of archaeological and written sources shows its inconsistency.

Key words: Kuban, Sarmatians, Sirak, Meots